

8. Роль анархистов на других фронтах

Мы уже видели, что соединения анархистов составляли основу республиканских сил на Арагоно-Каталонском фронте и играли заметную роль в обороне Мадрида. Однако анархические войска имели определённое значение и в других районах, где шли боевые действия во время Гражданской войны.

Те, кто разделяет общепринятые представления о Гражданской войне в Испании, как мы отмечали, склонны замалчивать или отрицать важность участия в ней боевых подразделений НКТ-ФАИ. Если же на их роль всё-таки обращают внимание, ограничиваются комментариями по поводу их якобы «безответственного» поведения и «недостатка дисциплины». Хотя примеры этого, конечно, были, гораздо чаще анархические войска демонстрировали стойкость и самоотверженность. Их главным отличием от подразделений другой политической ориентации, коммунистов, республиканцев, баскских и каталонских националистов и даже многих социалистов, было то, что они видели свою задачу не только в спасении Республики, но и в защите революции, которая произошла в лоялистских регионах в начале Гражданской войны.

Железная колонна

Соединением анархистов, которое в значительной степени несло ответственность за репутацию войск НКТ-ФАИ как «неконтролируемых» и «недисциплинированных», была Железная колонна (*Columna de Hierro*), организованная анархистами Валенсии и прилегающей местности. Это было одно из основных соединений республиканских сил, действовавших на Теруэльском фронте на начальном этапе войны.

Выше мы уже видели, какое смятение воцарилось в Валенсийском регионе в первые дни Гражданской войны, когда гарнизон больше недели оставался «нейтральным», а среди политических групп, оставшихся верными Республике, происходили разнообразные манёвры. Как только военные были вынуждены сдаться и власть в регионе перешла к Народному исполнительному комитету (*Comité Ejecutivo Popular*), представлявшему все элементы, поддерживавшие республиканское дело, возникла необходимость набрать милиционеров, чтобы отправить их на фронт, в частности под Теруэль на южной окраине Арагона. Захват Теруэля мятежной армией стал крупным поражением республиканцев, поскольку он являлся важным железнодорожным узлом, связанным с Сарагосой, Каталонией, Мадридом и Валенсией. Задача отвоевать этот город для Республики возлагалась в первую очередь на силы милиции, мобилизованные в Валенсии и во всём

Леванте.

Первая попытка набрать войска для Теруэльского фронта закончилась провалом. Колонна, собранная преимущественно в Кастельоне и состоявшая примерно из тысячи милиционеров и четырёхсот с лишним гражданских гвардейцев и карабинеров, была отправлена где-то через неделю после начала войны. Одна часть колонны добралась до Мора-де-Рубьелоса, другая 29 июля заняла Ла-Пуэбла-де-Вальверде. Однако в ночь на 30 июля гражданские гвардейцы взбунтовались, захватив в плен лидеров колонны и бóльшую часть милиционеров (многие из которых были ими расстреляны), а также присвоив себе всё оружие экспедиции. После этого они ушли к мятежникам¹.

Лоренс Фернсуорт, корреспондент одной из американских газет, который посетил участок Теруэльского фронта, занятый Железной колонной, в начале 1937 г., описывал этот инцидент, очень сильно повлиявший на отношение колонны к гражданским гвардейцам и прочим служителям старого режима:

“Именно в этом городке гражданскими гвардейцами, действовавшими в предательской связи с мятежниками, были убиты депутат-социалист Франсиско Касас Сала, полковник карабинеров и 63 милиционера... Гражданские гвардейцы, изображая лояльность, пришли сюда с безоружной колонной милиции, которую они обещали вооружить по прибытии на фронт. Вместо этого они без предупреждения напали на милиционеров, когда они, ни о чём не подозревая, отдыхали и обедали на площади. Тех, кто был ими схвачен, они на следующий день отвели на кладбище и казнили там скопом...

Поскольку эта история была широко растиражирована испанской прессой, я стремился проверить её, надеясь получить ключ к пониманию достоверности других подобных историй. Я выяснил, что она не только верна в основных сообщаемых деталях, но и в некоторых отношениях преуменьшена. Свидетели и участники трагедии поведали мне свои истории и показали мне место, где это случилось: земля всё ещё была покрыта запёкшейся кровью»².

Тем временем анархисты Леванта начали собирать милицию, чтобы задействовать её на Теруэльском фронте. Этой работой занялся революционный военный совет НКТ. Он разместил в газетах объявления для добровольцев, сформировал тех, кто пришли первыми, в подразделения милиции и организовал их отправку на фронт. Комитет также создал некоторое подобие сержантской школы для своих милиционеров. Там им преподавали почти те же самые предметы, что стояли в учебном плане любого военного училища, такие как география, топография, вооружения, за исключением того, что им не навязывалась военная иерархия³.

К началу августа были организованы две колонны милиции. Первой была Железная колонна, которая, по утверждению одного из её участников, Роке Сантамарии, состояла из «самых крайних элементов НКТ и ФАИ». Другой была колонна Торреса – Бенедито, организованная по преимуществу теми элементами НКТ, которые были связаны с трейнристами⁴.

Вначале Железная колонна вызывала большой энтузиазм. По словам Роке Сантамарии, за первый месяц в неё записалось 12 000 человек, хотя оружия хватало лишь на 3 000. Колонна состояла из крестьян и промышленных рабочих, входившие в неё подразделения (центурии) был однородными по составу и возглавлялись выборными делегатами⁵. В колонне находилось также некоторое число кадровых офицеров⁶.

Среди новобранцев было много бывших заключённых тюрьмы Сан-Мигель-де-лос-Рейес, освобождённых анархистами в начале войны. Роке Сантамария говорит, что «они вели себя и сражались в необычайной манере, отважно и самоотверженно»⁷. Однако Бернетт Боллотен утверждает, что «эти бывшие преступники скоро начали позорить Железную колонну; хотя по крайней мере некоторые из них прониклись идеалами анархизма, когда были мобилизованы, подавляющее большинство относилось к закоренелым преступникам, не поменявшим своего мировоззрения и вступившим в колонну ради той выгоды, которую они могли получить, используя анархистский ярлык в качестве прикрытия»⁸. Их присутствие в Железной колонне делало её уязвимой для критики, особенно со стороны коммунистов⁹.

Железная колонна покинула Валенсию 8 августа и сначала направилась в Сагунто, откуда она взяла путь на Теруэль¹⁰. 12 августа милиционеры впервые вступили в бой у Сарриона, где они разгромили вражеские войска, отправленные из Теруэля. Затем колонна проследовала к Ла-Пуэбла-де-Вальверде, которая была занята ею без сопротивления, и остановилась у Пуэрто-Эскандона, в нескольких километрах от Теруэля¹¹.

Лоренс Фернсуорт описывал бойцов Железной колонны, которых он видел на Теруэльском фронте в начале 1937 г.:

“ «Милиционеры были одеты в разную униформу, сообразно своим вкусам. Они носили синие комбинезоны и куртки; полную форму регулярной армии или половину её; рабочую одежду с поясом или ремнём, придававшим им воинственный вид; красные платки у многих на шеях; аккуратные милиционерские пилотки, слегка заострённые спереди и сзади, весьма популярные сейчас, либо, по выбору, широкополые соломенные или фетровые шляпы и другие самые причудливые головные уборы. Они были хорошо накормленной, лучезарной, дружелюбной компанией. Многие из них отрастили чёрные бороды и бакенбарды, которые были теперь в большой моде. Одна группа пригласила меня в свой блиндаж, и там мы разглагольствовали о многих вещах. Через смотровые отверстия мы могли видеть блиндажи мятежников на холме, лежавшем через овраг»¹².

К концу августа Теруэльский фронт стабилизировался. Анархические войска здесь оказались в таком же положении, что и колонна Дуррути на севере. Они практически видели Теруэль, но не могли подступиться к нему, так как гарнизон получил значительные подкрепления и вокруг города были возведены укрепления, – так же как колонна Дуррути стояла в предместьях Сарагосы, но была не в силах взять её¹³.

Железная колонна участвовала во многих невоенных мероприятиях. Когда фронт стабилизировался, ополченцы не находились на передовой всё время. Некоторые из них помогали крестьянам в либертарных коммунах, которые были организованы после прибытия Железной колонны в районе между Саррионом и Теруэлем¹⁴.

Члены Союза графических искусств в начале сентября начали издавать новую газету «Линия огня» (Linea de Fuego), которая распространялась среди бойцов колонны. Колонна Торреса – Бенедито также стала издавать собственную газету «Победа» (Victoria)¹⁵. Позднее, в начале ноября 1936 г., была также создана радиостанция EA5 «Железная колонна»¹⁶.

В этот начальный период колонна испытывала недостаток практически во всём. Народный исполнительный комитет Валенсии в январе 1937 г. сообщал, что снабжение милиции «представляло собой одну из самых сложнорешаемых задач, поскольку в те первые моменты колонны бойцов, вызванные к жизни народным энтузиазмом, не имели самых необходимых средств и продуктов. У них не было ни обмундирования, ни снаряжения, ни обуви»¹⁷. В ноябре 1936 г. сама Железная колонна докладывала, что она получила от правительства только тысячу винтовок – 20 процентов от общего числа. Все остальные были взяты в бою у врага¹⁸.

Железная колонна участвовала в различных боевых операциях, проводившихся на Теруэльском фронте. В ноябре она начала возводить укрепления, при помощи местных рабочих. Она также вызвала всех бойцов, находившихся в отпуске по болезни в Валенсии, на том основании, что теперь имелось достаточно госпиталей на фронте. Теренс М. Смит отмечает: «Это был шаг по установлению контроля над милиционерами»¹⁹.

Колонной было предпринято наступление в конце декабря 1936 г. – начале января 1937 г., в котором она, как сообщалось, «отбила у врага десять траншей с двумя пулемётами и нанесла ему большие потери, причём 60 солдат с оружием и боеприпасами перешли к нам»²⁰. Одновременно колонна Торреса – Бенедито захватила один из окрестных городков и перерезала железнодорожные пути сообщения врага²¹.

В первые месяцы 1937 г. колонна была отправлена в тыл для перегруппировки. Она вернулась на передовую в мае и сменила колонну «Свободная Испания» (España Libre), к тому времени ставшую 63-й бригадой, хотя и не получила достаточного вооружения. В конце июля 1937 г. колонна (переименованная в 83-ю бригаду) была сильно потрепана марокканцами в сражении у Москардó и вновь была снята с фронта²².

Однако Железная колонна вернулась в строй как раз к главному республиканскому наступлению на Теруэль накануне нового 1937 года. Во время этого наступления колонна заняла посёлки Геа и Сан-Биас.

Торжество республиканцев под Теруэлем длилось недолго. Мануэль Веласко Гуардиола, служивший в Железной колонне, много лет спустя описывал последние действия колонны после взятия города силами Франко: «Тогда началось наступление националистов на Левант, которому 83-я бригада сопротивлялась, прилагая максимум усилий. В частности, она удерживала фронт у Морелии, после чего ей пришлось прорываться через окружение националистов и идти на Кастельон, но в десяти или двенадцати милях от этого центра националисты перерезали шоссе, и нам ничего не оставалось, кроме как бежать»²³.

У нас мало информации о действиях Железной колонны в последней части войны. Одну из самых идиотских версий её предполагаемого роспуска даёт Хулио Альварес дель Вайо, просталинский социалистический министр иностранных дел, который, ссылаясь на какие-то события, произошедшие, по его словам, в ноябре 1936 г., говорит, что Ларго Кабальеро, как военный министр, «отправил несколько грузовиков с надёжными милиционерами туда, где стояла лагерь “Железная колонна”, и она была разогнана без единого выстрела»²⁴.

Чёрная легенда о Железной колонне

Однако Железная колонна своими действиями на линии фронта отнюдь не заслужила той дурной славы, которая её окружает. Скорее, чёрная легенда о колонне возникла из-за поведения её солдат в тылу. С ними были связаны по крайней мере пять крупных инцидентов и различные менее существенные происшествия.

Первое грубое вмешательство бойцов Железной колонны в дела гражданского общества имело место 28 сентября 1936 г. Колонна имела серьёзные жалобы на недостаточную обеспеченность фронта оружием, в то время как значительное число тыловых гражданских гвардейцев в Валенсийском регионе было довольно хорошо вооружено. Озлобление милиционеров усиливалось их исконным недоверием к Гражданской гвардии, особенно в свете трагедии, произошедшей в Ла-Пуэбла-де-Вальверде за два месяца до этого.

Поэтому было принято решение отправить бойцов колонны, чтобы разоружить подразделения Гражданской гвардии в Валенсии и привезти их оружие на фронт. Без каких-либо вооружённых столкновений им удалось изъять винтовки у гвардейцев в четырёх отделениях. Но после этого они напали на Дворец юстиции и полицейские участки, вынесли оттуда все реестры прав на имущество и уголовные дела и предали их огню на главной площади города²⁵. Бруэ и Темим утверждают, что бойцы Железной колонны также «прошли по ночным клубам и кабаре, освобождая посетителей от их украшений и бумажников»²⁶.

У регионального комитета НКТ этот инцидент вызвал крайне негативную реакцию. Он провёл встречу с представителями Железной колонны, в конце которой они заявили, что сейчас возвращаются на фронт, но «если организация не будет решительно проводить революционную программу, Железная колонна вернётся в Валенсию и сделает то, что, как она считает, лучше всего послужит революции»²⁷.

Вскоре после этих событий бойцы Железной колонны появились в городе Кастельон-де-ла-Плана, где они также захватили и сожгли все документы на имущество и уголовные дела.

Кроме того, они забрали из местной тюрьмы многих заключённых, возможно 65 человек, которых они посчитали фашистами, и убили их²⁸.

Действия Железной колонны в Кастельоне вызвали ответные меры со стороны второго крупного анархического соединения на Теруэльском фронте, колонны Торреса – Бенедито. Она отправила в город своих солдат, чтобы «защитить революционный порядок», что Теренс М. Смит предлагает понимать как попытку «предотвратить новые бесчинства Железной колонны»²⁹.

Другие главные инциденты с участием Железной колонны в большей степени являлись ответами на стремление коммунистов и их союзников похоронить революцию, которая произошла в начале войны. В конце октября 1936 г. делегат колонны в Валенсии, Тибурсио Ариса Гонсалес, был убит на улицах Валенсии. И Железная колонна, и колонна Торреса – Бенедито решили отправить большие делегации на похороны своего товарища. Когда процессия проходила по Пласа-де-Тетуан, по ней был открыт огонь из бывшей резиденции генерал-капитана и штаб-квартиры Коммунистической партии, которые находились на противоположных сторонах площади. В заявлении, выпущенном после происшествия, Железная колонна утверждала, что 30 её бойцов были убиты и более 60 ранены, а колонна Торреса – Бенедито потеряла 38 человек.

В том же заявлении говорилось: «Хотя сейчас мы возвращаемся на фронт, поскольку фашисты ещё не уничтожены, наступит день, когда мы припомним и расследуем эти факты, и тогда мы расставим всё и всех по своим местам»³⁰.

Два других инцидента относятся к марту 1937 г. Висенте Урибе, коммунист и министр сельского хозяйства, начал мощную кампанию против сельских коллективов НКТ-ВСТ в Левантийском регионе, не только лишая их кредита, но и используя полицию для роспуска их, а также некоторых городских коллективов. Эта кампания вызвала ответную реакцию Железной колонны.

Когда в сельские районы были посланы штурмовые гвардейцы, арестовывавшие сотни членов коллективов, бойцы Железной колонны поддержали крестьян и стали вступать в столкновения с гвардейцами. Только после вмешательства министра юстиции Хуана Гарсии Оливера, из НКТ, и министра внутренних дел социалиста Анхеля Галарсы, сторонника Ларго Кабальеро, был более или менее восстановлен статус-кво и большинство (но не всех) крестьянских лидеров выпустили на свободу.

В это же время штурмовые гвардейцы захватили металлургический завод в Бурриане, контролировавшийся НКТ и имевший огромную важность для её боевых соединений, поскольку он являлся для них одним из немногих источников снабжения. Вновь в дело вступили бойцы Железной колонны, и только вмешательство Гарсии Оливера предотвратило то, что могло стать кровавым побоищем. Завод вернулся под контроль НКТ³¹.

Все эти инциденты создали напряжённость в отношениях между Железной колонной и руководством НКТ. Этот конфликт усугублялся тем, что колонна выступала против

милитаризации милиции (которую я буду более подробно обсуждать в следующей главе) и вхождения НКТ в правительство Ларго Кабальеро.

Теренс М. Смит отмечает, что на региональном конгрессе профсоюзов НКТ в ноябре 1936 г. «ясно звучало разочарование в колонне, по тем или иным причинам»³², хотя на последнем заседании конгресса, продолжавшегося шесть дней и собравшего «очень мало делегатов», была принята резолюция, в которой «структура и действия... Железной колонны были одобрены»³³.

В декабре анархический ежедневник «Социальная кузница» (Fragua Social) открыто напал на Железную колонну. Он осудил 30-ю центурию колонны, которая оставила фронт³⁴.

Анархисты и падение Малаги

Одним из тяжелейших поражений лоялистов на начальном этапе Гражданской войны стала потеря Малаги, самого южного из крупных городов средиземноморского побережья, который первоначально остался с Республикой. Поражение было болезненным не только потому, что в этом сражении на стороне мятежников первый раз участвовали итальянские части, но и потому, что коммунисты и другие оппоненты премьера Ларго Кабальеро впервые получили шанс отстранить его от контроля над правительством.

Анархисты составляли значительную часть милиции, организованной в Малаге в начале войны. Первоначально пять из десяти подразделений милиции в этом районе контролировались НКТ. После милитаризации НКТ имела здесь четыре батальона против одного у коммунистов³⁵.

Хотя Малага была особенно уязвимой, как центр сравнительно узкой прибрежной полосы, удерживаемой лоялистами, республиканское правительство до самого последнего момента отказывалось посылать ей какую-либо помощь. В конце ноября 1936 г. местное руководство милиции, в ответ на запрос об отправке оружия и боеприпасов, получило телеграмму от военного министра Ларго Кабальеро, которая гласила: «Ни винтовки, ни патрона для Малаги». Хотя, отправляя это сообщение, Ларго Кабальеро мог иметь в виду опасное положение Мадрида в то время и необходимость направлять туда всё доступное вооружение, отношение республиканского правительства, или по крайней мере его части, лучше всего отражает ответ министра флота и авиации Индалесио Прието группе социалистов, республиканцев и коммунистов, просивших помощи для Малаги: «Для Малаги хватит и ФАИ!»³⁶

Только накануне последней атаки мятежников на Малагу правительство отправило туда полковника Хосе Вильяльбу, чтобы попытаться организовать её оборону. Но к тому времени, по выражению Бернетта Боллотена, «всё шло к поражению». В любом случае, республиканское правительство было готово удовлетворить запросы о подкреплении и снаряжении из Малаги не в большей степени, чем запросы любых других местных военных и политических властей³⁷.

3 февраля 1937 г. началось наступление на Малагу испано-итальянских войск под командованием генерала Марио Роатты. К 8 февраля город был занят силами Франко, и тысячи беженцев устремились на восток, к Альмерии³⁸.

Падение Малаги объяснялось множеством причин. Главной из них, как мы видим, была нехватка оружия и снаряжения на этом участке фронта. Но Бернетт Боллотен указывает и другие факторы: «Отсутствие военной дисциплины и организации в Малагском секторе; путаница и неустроенность в тылу; безответственность кадровых офицеров и лидеров милиции; политическая борьба разных фракций в ущерб военным операциям; кампания по вербовке в Коммунистическую партию; назначение чрезмерного числа коммунистических политических комиссаров Каetano Боливаром, главным политкомиссаром Малагского сектора; непростительное пренебрежение оборонительными работами; предательство двух командиров, отвечавших за укрепления, Ромеро и Канейо, которые перебежали к неприятелю...»³⁹

Франц Боркенау, писавший вскоре после падения Малаги, сходным образом подчёркивал важность политических факторов в этом поражении: «Налицо было необычайное воодушевление, которое могло стать основой отчаянного сопротивления. Но распад политических сил зашёл слишком далеко и не позволял использовать это воодушевление. В июле и августе оборону могли возглавить анархисты, а позднее – политический комитет. Теперь же анархисты были задвинуты назад и скомпрометированы воспоминаниями об их кровавых эксцессах; политический комитет был ослаблен извне и изнутри. Гражданская администрация вообще не имела никакой власти...»⁴⁰

Как только Малага пала, начался поиск «виновных» в потере города. Одним из них стал командир-анархист, двумя другими – видные офицеры регулярной армии.

Замешанным анархистом оказался Франсиско Марото, командовавший милиционной колонной в районе Малаги, недалеко от Гранады. Он был арестован и обвинён в «пособничестве врагу»⁴¹. Коммунисты зашли настолько далеко, что обвинили Марото в том, что во время отступления из Малаги он «попытался взять для Франко цитадель Альмерии»⁴².

Марото оставался под арестом больше года. Через несколько месяцев после отставки правительства Ларго Кабальеро, когда экс-министр от НКТ Хуан Гарсия Оливер вынашивал планы по организации партизанской войны в районе Гранады, он получил возможность подробно обсудить эти планы с Марото, который обещал ему своё сотрудничество. Однако из этих планов ничего не вышло⁴³. В конечном итоге с Марото были сняты все обвинения⁴⁴.

Вторым обвинённым в предательстве был полковник Хосе Вильяльба. Бернетт Боллотен предполагает, что он был «выбран военным министерством в качестве козла отпущения». Он также провёл в тюрьме больше года и затем «был признан не несущим никакой ответственности за поражение и реабилитирован»⁴⁵.

Хуан Гарсия Оливер вспоминал, что, когда он уезжал во Францию во время вражеского нашествия на Каталонию, «командиром на этом участке границы был мой старый знакомый

и хороший друг, полковник Хосе Вильяльба, которого коммунисты хотели – и преуспели в этом – унижить, отдав его под трибунал за вымышленное предательство, которое якобы привело к потере Малаги. Впоследствии им пришлось оправдать его и даже дать ему командный пост в пограничной страже. Мы обнялись на прощание»⁴⁶.

Заслуживает упоминания оценка, данная Вильяльбе Францем Боркенау, который побывал в Малаге за неделю до её падения:

“ «Что касается местного командования, то оно, конечно, не соответствовало возложенной на него задаче. Корень его неэффективности, по моему мнению, лежит в непонимании им характера войны, которую оно вело... С военной точки зрения, суждения Вильяльбы о ситуации могли иметь смысл. Малага будет окружена и подвергнется штурму с суши и моря; лучше эвакуироваться как можно скорее. Но он не учитывал политический фактор. Повстанцы, которые не слишком боялись его войск, боялись только одного: отчаянного сопротивления. Именно поэтому они оставили главную дорогу открытой. Предположение, на которое опирался Вильяльба в своей оценке ситуации, так и не осуществилось...

Военное командование... не только не понимало, что́ будет означать такая борьба, оно также откровенно недолюбливало народные элементы, на которые ему следовало полагаться в подобный момент. Пример Страны Басков в середине сентября, пример Мадрида 8 ноября – оба показывали, что в ситуациях, очевидно безнадежных в военном смысле, борьба до последнего, поддержанная народным энтузиазмом, всегда даёт шанс в этой гражданской войне, где народные силы по меньшей мере так же важны, как и военные...»⁴⁷

Самой важной целью коммунистов и других, искавших виновных после падения Малаги, был генерал Хосе Асенсио. Он являлся предшественником Вильяльбы на посту командующего Малагским фронтом. Сесар Лоренсо отмечает, что Коммунистическая партия, «в своём стремлении получить контроль над военным командованием, сначала добилась удаления из Малаги генерала Асенсио, который слишком хорошо ладил с либертариями... но его преемник, полковник Вильяльба, был не более расположен к коммунистам»⁴⁸.

Ларго Кабальеро, как военный министр, после этого назначил генерала Асенсио своим заместителем. Коммунисты, конечно, считали генерала главным препятствием на пути к получению полного контроля над военным министерством. Поэтому они попытались использовать поражение в Малаге как предлог для его отстранения. Хью Томас описывает Асенсио как «главного фаворита» Ларго Кабальеро⁴⁹.

Несколько лет спустя сам Ларго Кабальеро рассказывал о кампании коммунистов, последовавшей за падением Малаги: «Эту кампанию, начатую против генерала Асенсио

Коммунистической партией, невозможно как-либо назвать... Они настаивали, чтобы я убрал его из министерства. “Почему?” – спрашивал я их. “Потому что он предатель”. Доказательства! Подтверждения! “У нас их много, – отвечали они. – Мы их вам предъявим!” Эта сцена повторялась постоянно, с комитетом Коммунистической партии, с её министрами, с её послом... но они никогда ничего не предъявляли...»⁵⁰

Однако в итоге Ларго Кабальеро пришлось уступить давлению коммунистов. Генерал Асенсио получил отставку 21 февраля⁵¹. После падения правительства Ларго Кабальеро Асенсио был отдан под трибунал «за халатность в обеспечении Малагского фронта необходимым оружием и боеприпасами»⁵². Одним из тех, кто свидетельствовал в его пользу, был экс-премьер, который доказывал, что если обвинение должно быть справедливым, то оно должно быть выдвинуто и против него самого как начальника Асенсио. В конце концов Асенсио был оправдан⁵³.

Коммунисты развязали открытую травлю Вильяльбы и Асенсио. Их поддержали в этом правые социалисты во главе с Индалесио Прието и республиканцы⁵⁴.

Но самым удивительным в этой кампании было то, что пресса НКТ также присоединилась к нападкам на двух военачальников. Это сложно понять, по крайней мере ретроспективно. К тому времени альянс Ларго Кабальеро с анархистами в правительстве, направленный против коммунистов и их союзников, стал реальностью. Министры-анархисты должны были понимать, что кампания коммунистов против генерала Хосе Асенсио в действительности была больше нацелена на премьер-министра и военного министра Франсиско Ларго Кабальеро, а не на неудачливого генерала.

Одним из результатов коммунистической пропагандистской кампании было то, что, «из-за слабости Ларго Кабальеро» (по словам Хуана Гарсии Оливера), в Альмерию была направлена министерская комиссия, состоявшая из Гарсии Оливера, министра сельского хозяйства коммуниста Висенте Урибе и левореспубликанского министра Хулио Хуста, чтобы расследовать причины падения Малаги. Каждый из министров подготовил собственный доклад. Гарсия Оливер писал: «Я ограничился следующим объяснением: нельзя говорить о недочётах и предательстве командующих, когда в действительности не существовало никакого устойчивого фронта у Малаги, где неорганизованные и плохо вооружённые силы, насчитывавшие около пятнадцати тысяч человек, вынуждены были закрывать фронт протяжённостью двести километров, сражаясь против пятидесяти тысяч вражеских солдат, поддержанных авиацией, артиллерией и итальянскими танками»⁵⁵. Гарсия Оливер, по крайней мере, не стал присоединяться к голосам, осуждавшим генерала Асенсио и полковника Вильяльбу.

Во всей этой шумихе коммунисты по понятным причинам не упоминали о тяжком проступке среди их малагских товарищей. Спустя полгода Мариано Васкес, секретарь Национального комитета НКТ, указывал на одно из ряда вон выходящее событие: «На всякий случай мы напомним один факт, чтобы Центральный комитет мог принять его во внимание, размышляя о падении Малаги: что Антонио Герра, делегат Коммунистической партии в комендатуре Малаги, остался там с мятежниками. Мы хотим сказать, что, говоря об ответственности за падение Малаги, каждый из нас для начала должен проверить свои ряды»⁵⁶.

Анархисты в республиканских силах Андалусии

Анархисты занимали заметное место в республиканских вооружённых силах Андалусского региона, бóльшая часть которого попала в руки мятежников в самом начале войны. Одним из формирований, возглавлявшихся анархистами, была колонна, организованная рабочими, которые пытались удержать Гранаду в лоялистском лагере, но, потерпев поражение, ушли на республиканскую территорию. Она затем стала 89-й дивизией Народной армии и получила от русских оружие, которое, по утверждению одного из её офицеров-анархистов, осталось со времён Первой мировой войны. Ей в помощь были приданы советские «техники», а также несколько французских офицеров, о которых, в отличие от первых, отзывались как о знающих и способных людях⁵⁷.

Другим важным анархическим войсковым соединением в Андалусии была колонна Марото, которая первоначально действовала между Гранадой и Малагой. Она оставалась под контролем анархистов, как 147-я бригада, даже когда Франсиско Марото был отстранён от командования и помещён под домашний арест.

Франц Боркенау оставил свидетельство о хаотической ситуации на Андалусском фронте в первые недели Гражданской войны. Он наблюдал сражение у Серро-Муриано, недалеко от Кордовы:

“ «Были... различия между небольшими подразделениями милиции. В то время как отряды из Маэна и Валенсии убегали на наших глазах, прибыла группа милиции из Алькоя, старого революционного центра в провинции Мурсия. Они переносили бомбардировку – которая, должен повториться, причиняла реальный ущерб – с гордой отвагой и беззаботностью... Дисциплина, однако, была низкой до невероятной степени... [Милиционеры из Алькоя, несомненно, были анархистами.]

Трудно найти подходящие слова, чтобы описать поведение личного состава. Офицеры на передовой не отличались даже обычной смелостью... Оставались ещё некоторые недостатки, свойственные милиции как таковой. Она не могла выдержать воздействие современного оружия, воздушные налёты и артобстрел, даже из небольших орудий. И она понятия не имела о том, что позицию никогда нельзя оставлять без особого приказа командующего...

Надлежащая подготовка, конечно, помогла бы сделать милицию пригодной для сражения, но дисциплина ещё более важна...»⁵⁸

В Андалусии, как и в других местах, милиционные формирования впоследствии были преобразованы в части Народной армии. И, также как и в других местах, хотя анархисты составляли значительную долю в рядовом составе армии Андалусии, они не шли ни в какое сравнение с коммунистами и их союзниками, когда речь шла о занятии командных должностей.

ФАИ в сентябре 1938 г. сообщала, что армия Андалусии стала «настоящей вотчиной “Партии”». В это время анархисты командовали лишь одной бригадой, старой колонной Марото, переименованной в 147-ю бригаду, из десяти; и одной дивизией, 20-й, из четырёх⁵⁹.

Анархисты в боевых действиях в Стране Басков

Из трёх баскских провинций, Алавы, Гипускоа и Бискайи, первая была захвачена силами генерала Мола сразу после начала мятежа. Через месяц-полтора после начала конфликта большая часть Гипускоа с её главными городами, Ируном и Сан-Себастьяном, также была занята войсками Мола. Только в Бискайе бои продолжались почти весь первый год Гражданской войны.

В другом месте я уже рассматривал роль, которую сыграла НКТ в политическом руководстве Гипускоа и Бискайи в первые недели войны. Анархисты также были одними из главных участников непродолжительной борьбы за Ирун и Сан-Себастьян и важными участниками боевых действий в Бискайе, которая в начале октября 1936 г. стала Баскской республикой.

Когда вспыхнула война, НКТ организовала в баскских районах пять батальонов милиции: «Малатеста», «Сакко и Ванцетти», «Исаак Пуэнте», «Бакунин» и «Кельт». В октябре 1936 г. батальон «Малатеста», насчитывавший около 1 000 бойцов, был отправлен в Астурийский регион, чтобы участвовать в осаде Овьедо, доставшегося мятежникам в первую неделю войны⁶⁰.

Перед началом наступления мятежников на Ирун и Сан-Себастьян анархисты, которые составляли значительную часть местной милиции, обратились за оружием к Центральному совету милиции Каталонии. Каталонцы предоставили «несколько сотен винтовок и несколько пулемётов», которые на грузовиках были отправлены через Францию в Ирун⁶¹. Упоминания о дальнейшей судьбе этого оружия противоречивы. Сесар Лоренсо утверждает, что «французские власти задержали его в Андае»⁶². В то же время Диего Абад де Сантьян настаивает: «Транспорт встречал препятствия на своём пути, но всё же вовремя пришёл в местную профсоюзную федерацию Ируна, которая отослала нам расписку»⁶³.

Но бесспорно то, что 30 000 патронов, которые каталонский Комитет милиции также выделил защитникам Ируна, так и не попали в пункт назначения. Комитет запросил для перевозки этого груза самолёт у Министерства флота и авиации в Мадриде. Диего Абад де Сантьян пишет: «У нас всё было готово, народные силы Ируна всё ещё контролировали аэродром, в тревоге ожидая прибытия боеприпасов. Министерство... обещало отправить

самолёт Дугласа, и мы разместили груз на поле у Прата, чтобы не потерять момент». Однако самолёт из Мадрида не прибыл⁶⁴.

Последнее сражение за пограничный Ирун было ожесточённым. После нескольких дней, в течение которых город подвергался бомбардировке с суши и моря, силы Мола 3 сентября перешли в наступление. Главный удар приняли на себя анархо-синдикалисты, в том числе, согласно Хью Томасу, «некоторые... из Барселоны», и коммунисты, включая французских и бельгийских «техников», направленных Французской коммунистической партией⁶⁵. Бруэ и Темим отмечают: «...Военный комиссар пересёк французскую границу за три дня до падения Ируна. Но коммунисты и люди из НКТ, вместе с горсткой иностранных добровольцев, дрались до последнего патрона...»⁶⁶ Томас говорит, что мятежники заняли «сожжённый и разрушенный город»⁶⁷.

Судьба Сан-Себастьяна, который был захвачен спустя неделю с небольшим, была иной. Согласно Сесару Лоренсо, хотя сэнэтисты считали, что город можно отстоять, потому что вражеские коммуникации были сильно растянуты, а лоялистская милиция легко могла получить всё необходимое из Бильбао, баскские националисты боялись разрушения города и, питая неприязнь к анархистам, «категорически отказались сопротивляться и склонили на свою сторону коммунистов и социалистов».

Лоренсо описывает развязку: «Брошенная остальными организациями, НКТ не могла в одиночку противостоять армии мятежников. Сан-Себастьян был сдан без боя 31 сентября; одним ударом фронт был отброшен на 30 километров к западу...»⁶⁸

В Бискайе анархисты составляли значительную часть лоялистских сил. Они полностью контролировали шесть батальонов и составляли половину ещё одного батальона, имевшего смешанный политический состав. Для сравнения, 22 батальона контролировались Баскской националистической партией (БНП), 14 – социалистами и их профсоюзом ВСТ, 7 – коммунистами, 2 – «Баскским националистическим действием» и 1 – республиканцами. В отличие от остальных частей республиканской Испании, подразделения НКТ в Стране Басков не сопротивлялись милитаризации милиции.

Однако формирования НКТ оказались вовлечены в политический конфликт между её профсоюзами и президентом Баскской республики Хосе Антонио Агирре. Хотя НКТ ранее была представлена в региональном правительстве, которое предшествовало созданию Баскской республики в начале октября 1936 г., Агирре до последнего момента отказывался допускать в своё правительство анархическую профсоюзную организацию. Он настаивал на том, что его правительство должно состоять из партий, а не из профсоюзов, и что анархистов должна представлять ФАИ, их «политическая» организация. Анархисты это предложение отклонили.

Незадолго до того, как началось заключительное сражение за Бискайю, по словам Сесара Лоренсо, «батальоны НКТ начали колебаться и даже покидать свои позиции на фронте». Тогда, в мае 1937 г., Агирре наконец пригласил НКТ в правительство, но Ривера, командир батальона «Сакко и Ванцетти», неожиданно выступил против, говоря, что анархистам нет места в правительстве. Агирре дал НКТ отсрочку, но вскоре Баскская республика оказалась

охвачена сражениями, и время было упущено⁶⁹.

Когда начался штурм Бильбао, НКТ решила сопротивляться до последнего, как она хотела сделать в Сан-Себастьяне. Однако баскское правительство и большая часть гарнизона оставили город. Хью Томас, а также Бруэ и Темим описывают попытки анархистов оказать сопротивление, действуя методом выжженной земли, в чём им помешал внезапный переход на сторону мятежников остатков гарнизона Бильбао – гражданских гвардейцев, штурмовых гвардейцев и солдат регулярной армии⁷⁰.

Анархисты в вооружённых силах Сантандерского региона

Сантандер, регион между Баскскими провинциями и Астурией, не относился к центрам влияния НКТ. Многие местные профсоюзы, в которых преобладали анархисты, входили в состав Всеобщего союза трудящихся. Тем не менее анархисты занимали здесь видное место, не только в политической структуре, сложившейся после начала Гражданской войны, но и в вооружённых силах, организованных для защиты республиканского дела в регионе.

В первые месяцы войны подразделения милиции, набранные для защиты Сантандера, не делились по принадлежности к политическим партиям или профессиональным союзам. Анархисты, социалисты, коммунисты и республиканцы входили в одни и те же формирования. Однако, когда было принято решение создавать политически однородные подразделения, анархисты организовали два новых батальона, «Свобода» и «НКТ-ФАИ». Но даже тогда смешанные подразделения не были расформированы. После перевода в Картахену социалиста Бруно Алонсо, назначенного генеральным комиссаром республиканского флота, Хосе Гонсалес Мало, лидер портовых рабочих Сантандера, занимавший одно из ведущих мест в местном либертарном движении (хотя его профсоюз входил в ВСТ), был назначен генеральным комиссаром милиции в Сантандерском регионе⁷¹.

Наступление мятежников на Сантандер началось в августе 1937 г., после падения Бискайи. Хотя защитники Сантандера получили из Валенсии приказ отступить на запад, в Астурию, это оказалось практически невозможно, и те, кто мог, бежали морем во Францию⁷².

Анархисты в боевых действиях в Астурии

Как мы уже упоминали, столица Астурийского региона Овьедо была захвачена мятежниками во главе с полковником Антонио Арандой. Однако второй по величине город Астурии, Хихон, прочно удерживался анархистами после того, как середине августа 1936 г. здесь удалось преодолеть упорное сопротивление мятежников. В остальной части региона по большей части преобладали социалисты. Тесное сотрудничество между НКТ и социалистами

сохранялось с самой Астурийской революции октября 1934 г.

Вооружённое сопротивление рабочих Астурии в июле 1936 г. в значительной степени являлась возобновлением прежней борьбы для многих людей, участвовавших в том восстании. Хуан Антонио де Биас и Пако Игнасио Тайбо отмечали: «Тот же самый опыт Октябрьской революции [1934 года] лёг в основу отбора естественных лидеров рабочих, и благодаря участию в октябрьских боях здесь выдвинулось значительное число активистов, малоизвестных за пределами местной среды... Значительное большинство среди них составляют рабочие. Шахтёры и металлисты далеко опережают прочие группы».

Де Биас и Тайбо приводят «предварительный перечень первых командиров будущей республиканской армии» в Астурийском регионе, включающий 25 имён. Среди них четыре анархиста: «Онофре Гарсия Тирадо, лидер профсоюза металлистов, сэнэтист с завода Дуро в Фельгере; Ихинио Карросера, металлист из НКТ; Селестино Фернандес, он же “Эль Топу”, сэнэтистский рабочий-металлист Дуро... [и] Виктор Альварес, сэнэтист из Хихона»⁷³. Диего Абад де Сантильян называл Карросеру «настоящим героем»⁷⁴.

Хавьер Р. Муњос отмечал, что, кроме трёх батальонов, организованных под руководством лояльных республиканских военных,

“ «все остальные батальоны были сформированы на основе политических и профсоюзных организаций. Так, НКТ организовала, за счёт преобразования и пополнения своих прежних отрядов, батальон НКТ № 1 Онофре Гарсии Тирадо и батальон НКТ № 2 Виктора Альвареса. Кроме того, батальоны Селестино Фернандеса, Ихинио Карросеры и галисийский, состоящий в основном из галисийцев, разделяющих анархическую идеологию, под командованием Хосе Пенидо. Ещё один батальон НКТ, включавший в себя роту “Кубедос”, был сформирован Синдикалистской партией и находился под командованием Хосе Перида. Вдобавок существовали ещё некоторые группы, не составлявшие батальона, такие как отряд ФАИ (150 человек) Леонардо Певиды»⁷⁵.

Согласно Сесару Лоренсо, анархисты не были представлены в командовании боевых частей, вставших на защиту Астурии в начале Гражданской войны, пропорционально своей численности в рядовом составе. Это в значительной степени объяснялось их собственным отношением.

Лоренсо отмечал, что в целом «в Астурии центурии и колонны не были строго разделены по идеологическому признаку; анархисты и социалисты, коммунисты (весьма немногочисленные) и некоторые республиканцы были перемешаны в одних и тех же подразделениях»⁷⁶. Однако далее он говорит: «Число батальонов НКТ (пятнадцать из общего числа шестидесяти) не соответствовало её действительной силе. Фактически неприязнь астурийских либертариёв к милитаризации, хотя и менее выраженная, чем в других регионах Испании, стоила им многих командных должностей, которые поспешили

занять политические партии. В итоге члены НКТ были распределены по бригадам, которыми командовали, например, республиканцы или коммунисты, хотя до декрета 14 октября колонны Конфедерации составляли почти половину от личного состава астурийской милиции»⁷⁷. По свидетельству Солано Паласио, одного из лидеров НКТ в Астурии: «Больше всего у милиционеров вызывал отвращение тот факт, что им приходилось отдавать честь своим офицерам, которых они до этого воспринимали как товарищей»⁷⁸.

Этот традиционный антимилитаризм анархистов нашёл отражение в сравнительно низкой доле командиров из НКТ-ФАИ в вооружённых силах Астурии. Хуан Антонио де Биас приводит цифры, показывающие, что в 1937 г. здесь имелось 40 старших офицеров социалистов, 37 коммунистов и только 19 анархистов⁷⁹. Однако среди выдающихся анархических военачальников были Виктор Альварес, который стал командовать дивизией, а также Ихинио Карросера, Селестино Фернандес, Хосе Пенидо и Мануэль Санчес, которые стали командующими бригад. Кроме того, 11 анархистов стали бригадными или дивизионными политкомиссарами в Астурийском регионе⁸⁰.

Согласно Хавьеру Родригесу Муньосу: «Если мы посмотрим на партийный состав Астурийской армии, то мы увидим, что наибольшее количество высших командных постов было у ИСРП и что, кроме того, вместе с НКТ она имела две трети от общего их числа». Его данные показывают, что к НКТ принадлежали один командующий дивизией, четыре командующих бригадами и 13 батальонных командиров, всего 18. Для сравнения, социалистами были трое командующих дивизиями, восемь командующих бригадами и 26 батальонных командиров, всего 37; коммунистами – трое командующих дивизиями, пять командующих бригадами и 25 батальонных командиров, всего 33.

Однако, говорит Родригес Муньос, «несмотря на это, влияние Коммунистической партии в Астурийской армии было очень велико и, конечно, намного превосходило их действительную численность»⁸¹. Он добавляет: «КПИ добилась успеха в получении многих командных должностей благодаря тем позициям, которые она быстро заняла в военном аппарате, независимо от качеств её членов. Амбоу был первым организатором армии на посту советника [т.е. регионального министра] по военным делам, а Орасио Аргельес отвечал за её пополнение в первые месяцы»⁸². (Амбоу и Аргельес были одними из ведущих руководителей коммунистов в Астурии.)

Анархические войска участвовали во всех этапах боевых действий в Астурии, включая две попытки захвата Овьедо в октябре 1936 г. и феврале 1937 г. и заключительную борьбу в регионе с августа по октябрь 1937 г. В этот последний период конфликта командир НКТ Ихинио Карросера был награждён республиканской медалью Свободы за руководство войсками, сдерживавшими наступление националистов вдоль побережья со стороны Сантандера⁸³. Анархические солдаты и офицеры также занимали видное место в астурийских войсках, отправляемых на защиту баскской провинции Бискайя, а после её падения – Сантандерского региона⁸⁴.

Импровизированные власти Астурии стремились централизовать командование и укрепить дисциплину. Тем не менее Сесар Лоренсо отмечал по поводу астурийских подразделений милиции:

«Как почти всюду в Испании, милиция была плохо организована, плохо вооружена и возглавлялась в бою командирами, отличавшимися необычайной храбростью, но не имевшими ни малейшего представления об искусстве войны, поскольку они были борцами из рабочего класса, в один прекрасный день превратившимися в офицеров»⁸⁵.

Большая часть Астурийского региона оставалась под анархическо-социалистическим контролем в течение 15 месяцев с начала войны. Однако, после падения Бискайи и Сантандера, мятежники 1 сентября 1937 г. наконец начали наступление в Астурии. Шесть недель республиканские силы сопротивлялись с исключительным упорством. Однако во второй половине октября, когда две наступавшие колонны мятежников смогли соединиться, их сопротивление было сломлено. Хихон, последняя цитадель Республики, был взят мятежниками 21 октября.

Тем не менее, согласно Хью Томасу, даже захват Хихона не стал окончательным завершением войны в Астурийском регионе:

“Хотя северный фронт полностью исчез, 18 000 человек продолжали действовать как партизанские силы в Леонских горах до марта... и до самого конца войны Астурия усиленно патрулировалась»⁸⁶.

Роль анархистов в военно-морском флоте и военно-воздушных силах

Наконец, следует сказать несколько слов о роли анархистов в двух других частях республиканской армии, которые не были фронтами в географическом смысле, но составляли важный элемент лоялистских вооружённых сил. Это были флот и авиация.

Как уже упоминалось в этой книге, большинство кораблей испанского флота в начале войны были захвачены своими экипажами и отдельными младшими офицерами, которые остались верны Республике. Согласно Диего Абаду де Сантильяну, «либертарное движение имело наибольшее представительство во флоте»⁸⁷. Это подтвердил мне один матрос-анархист, участвовавший в захвате кораблей антифранкистскими силами, который утверждал, что флот практически полностью находился в руках НКТ, так как значительное большинство матросов либо принадлежали к НКТ, либо сочувствовали ей⁸⁸. Адмирал Н. Кузнецов, один из основных советских советников во флоте на начальном этапе Гражданской войны, также признаёт, что «на отдельных кораблях анархисты были в большинстве» и что в начале войны во флоте было мало коммунистов⁸⁹.

Однако эта ситуация продлилась недолго. Как отмечает Абад де Сантильян: «Немедленно началась кампания против тех, кто спас от врага корабли, имевшиеся в нашем распоряжении. Они мало-помалу заменялись, а начиная с середины 1937 г. их открыто списывали на берег, на борту же оставались почти исключительно коммунисты и коммунистические попутчики, несмотря на то, что у Прието был комиссар флота, который пользовался его полным доверием»⁹⁰.

Мой информатор говорил, что немногие офицеры на его корабле, оставшиеся лояльными, беспокоились о том, что их prerogatives будут отменены теми, кто принял на себя руководство. Поэтому большинство из них вступили в Коммунистическую партию, чтобы упрочить свою позицию по отношению к команде. На его корабле ситуация стала настолько невыносимой для членов НКТ, что в феврале 1937 г. он перевёлся в морскую пехоту, в рядах которой он провёл оставшуюся часть войны, на Мадридском фронте⁹¹.

Как и в других частях республиканских вооружённых сил, коммунистам удалось добиться преобладания в высших эшелонах военно-морских сил. Хотя адмирал Кузнецов утверждал, что Индалесио Прието, пока он был министром флота, пытался не допускать коммунистов на высшие должности, это ситуация вскоре изменилась⁹². Сантильян пишет, что на 15 декабря 1937 г. все члены главного штаба флота, кроме одного, были обладателями коммунистических партбилетов.

Однако, утверждает Сантильян, с появлением советских советников, во главе которых стоял некто под псевдонимом «Николас»⁹³, и с установлением коммунистического контроля эффективность республиканского флота не повысилась: «Неоднократно выдвигались предложения вернуть морские силы в наши руки, чтобы улучшить ситуацию во флоте и придать ему бóльшую эффективность. Русские делали здесь то же самое, что и в авиации и армии: хорошая работа во всём, что касалось распространения их партийной гегемонии, но ничего подобного – в противостоянии врагу»⁹⁴. Как показывают факты, на протяжении бóльшей части войны флот редко рисковал выходить со своей базы в Картахене.

Основной задачей лоялистского флота было конвоирование судов, уходивших в Советский Союз и прибывавших из него. За исключением первых нескольких месяцев, происходило мало прямых столкновений между лоялистским и мятежным флотами, а также итальянскими и германскими кораблями, поддерживавшими последний⁹⁵.

Роль анархистов в республиканских воздушных силах была ещё более незначительной, чем во флоте. В начале войны авиация была укомплектована относительно небольшим числом офицеров и солдат регулярной армии, которые остались верны Республике. С прибытием советских машин и пилотов контроль над авиацией практически полностью перешёл к коммунистам.

Сехисмундо Касадо, который в течение войны некоторое время возглавлял оперативный отдел генштаба Военного министерства, описывал ситуацию следующим образом: «Я могу сказать с определённой уверенностью, что в течение всей войны ни воздушные силы, ни танковый корпус не контролировались ни министром национальной обороны, ни нижестоящим Генеральным штабом. Министр и его штаб даже не были осведомлены о количестве и типах

боевых машин, зная лишь о положении тех из них, которые были задействованы в текущих операциях. Точно так же министр и его штаб не имели представления о состоянии и даже о существовании большого числа секретных аэродромов, о которых знали только “дружественные советники” и некоторые командиры авиации, которым они полностью доверяли»⁹⁶.

При таких обстоятельствах, очевидно, что у анархистов не было никаких шансов получить опору в республиканских вооружённых силах.

Заключение

Мы видели, что на всех фронтах Гражданской войны в Испании анархисты составляли значительную часть тех, кто сражался в республиканских силах. В Каталано-Арагонском, Левантийско-Теруэльском и Астурийском регионах они составляли большинство личного состава; в других местах они были не настолько значительными в числовом отношении, но тем не менее являлись важной частью сил, сражавшихся против мятежников. Как правило, они сражались стойко и умело, а на некоторых фронтах они держались и тогда, когда большинство других готовы были сдаться. В некоторых районах лидеры НКТ, такие как Рикардо Санс, Сиприано Мера и Хосе Гонсалес Мало, сыграли ключевую роль в организации вооружённых сил Республики и руководстве ими.

Верно то, что были случаи, когда анархические элементы вели себя в неподобающей манере, как я указал. Однако следует признать, что в своей кампании по дискредитации анархистов, участвовавших в Гражданской войне, и установлению полного контроля над Республикой коммунистические пропагандисты и их союзники чрезмерно преувеличивали и обобщали эти инциденты.

Одной из проблем, связанных с присутствием анархистов в лоялистских вооружённых силах, которую больше всего эксплуатировали коммунисты, являлось предполагаемое сопротивление сторонников НКТ-ФАИ так называемой «милитаризации» колонн милиции. К этому вопросу мы и обратимся в следующей главе.

Версия #2

Зверобой создал 8 мая 2025 14:33:25

Зверобой обновил 8 мая 2025 14:39:55